

Подъ редакціей Л. Г. Мунштейна (Lolo).

РАМПА

и ЖИЗНЬ

№ 27.

1912.

А. П. Чеховъ въ молодости.

(Къ 8-лѣтію со дня смерти.)

МОСКВА

Здѣсь умеръ Чеховъ...

Возвращаясь, нѣсколько лѣтъ назадъ, изъ Швейцаріи въ Берлинъ, я остановился на станціи Müheheim, — недалеко отъ Базеля, — чтобы въ промежуткѣ между двумя поѣздами сѣздить въ Баденвейлеръ, въ тихій и малозвѣстный курортъ, въ исторію котораго вплетена печальная для сердца каждаго русскаго страничка: тамъ умеръ Чеховъ...

Я охватилъ красоты Баденвейлера, взобравшись на руины когда-то гордаго замка. У ногъ моихъ — глубокая долина, прелестная, какъ сады Эдема, вся залитая солнцемъ, словно смѣющаяся здоровымъ, жизнерадостнымъ смѣхомъ поздняго лѣта.

Съ сѣвера и юга — въ перемежку съ холмами, усѣянными зрѣющимъ виноградомъ, величественныя горы съ бархатными коврами изъ темнозеленыхъ, тысячелѣтнихъ лѣсовъ.

На западѣ широкая, необъятная равнина Рейна съ серебристой лентой могучей рѣки, плавно катящей свои голубыя воды. За нею, въ туманной дали, длинная цѣпь Вогезовъ, съ едва очерченной на горизонтѣ вершиной ихъ.

И всюду, какъ далеко ни проникаетъ взоръ, — деревни, городки, замки и руины, словно пріютившіеся на груди величественной природы.

Здѣсь, въ этомъ благословенномъ уголку Шварцвальда, умеръ Чеховъ. Здѣсь онъ закрылъ навѣки свои безконечно-добрые глаза, насладившіеся зрѣлищемъ природы, художественно-родственной его душѣ...

Мнѣ не трудно было отыскать отель Зоммера, гдѣ умеръ въ скромной меблированной комнатѣ Чеховъ, но кельнеръ не сразу согласился показать мнѣ ту комнату, въ которой жилъ и умеръ Чеховъ.

— Этотъ номеръ занятъ теперь, — ссылаясь онъ.

— Если вы объясните господамъ, занимающимъ этотъ номеръ, какое чувство руководитъ мною, они, несомнѣнно, позволятъ мнѣ войти на нѣсколько минутъ, — убѣждалъ его я.

Мы поднялись во второй этажъ „лифтомъ“. Кельнеръ постучалъ въ дверь; въ номерѣ никого не оказалось. Онъ

отпер дверь, пригласил меня войти и поднял штору на балкончик, чтобы я мог лучше осмотреться в полутемном номере.

Шаблонный номер немецкого отеля с шаблонной обстановкой. Ближе к двери в коридор две постели. У фасадной стены, между окном и дверью на балкончик, небольшой диван, обитый бархатом, и круглый стол. Умывальник, шкаф и несколько стульев дополняют обстановку. Мебель свежая, все в номере чисто, а темные обои усиливают впечатлительные уютности.

— После смерти Чехова обстановку здесь не меняли, — поясняет мне кельнер, — так все и осталось, как было. Вот здесь, на диване, он часто сидел с своей супругой. Часто он сидел на балконе и любовался видом горы. На этой кровати, что дальше от двери, он умер. Вся постель, за исключением белья, конечно, осталась та же...

Я вышел на балкончик, второй от уга дома, почти общий с балкончиком соседнего номера. Вид красивый, но без шири, без мощи. Прямо перед отелем словно упирается в небо высокая гора, сплошь усыпанная хвойными лесами, и только переливы солнца в море хвойных лазают глаза.

Внизу я встретил владельца отеля. Мы разговорились. Я не первый, пришедший смотреть комнату, где умер Чехов, и не первый, прибывший специально для этой цели в Ваденвейлер. У него неоднократно просили о какой-либо вещице, оставшейся после Чехова, в качестве реликвии, но супруга покойного увезла с собою решительно все, что было в доме.

Осталась одна обстановка комнаты. Он, владелец гостиницы, готов продать обстановку этого номера, если бы кто-либо пожелал ее купить, готов и отдать ее, если бы в России основали музей, посвященный памяти Чехова.

Позже я посетил д-ра Шверера, лечившего в Ваденвейлере Чехова и присутствовавшего при его последних минутах. Д-р Шверер, еще не старый, с симпатичным лицом, обрамленным седой бородкой, принял меня у себя на вилле очень любезно. Мы сидели сначала в его кабинете, потом перешли в его приемный кабинет, где он принимал, как врач, Чехова.

— Посоветовали Чехову поехать в Ваденвейлер уже в Москве, — рассказывал мне д-р Шверер. — Профессору, у которого Чехов был в Берлине, поддержал эту мысль. Я видел Чехова впервые здесь, хотя бывал в Москве и женат на москвичке, встречавшейся раньше с Чеховыми.

— Сначала его настроение в Ваденвейлере было жизнерадостное. Он много выезжал в окрестности и наслаждался красотами природы. Он безконечно делал записи в свою книжечку. — Это будет водевиль, — говорил он мне: «да такой водевиль, какого еще не бывало. В театре будут помирать со смехом». Неоднократно он говорил мне: «я сегодня написал нечто такое смешное, что просто умора».

— Позже настроение Чехова ухудшилось. После того, как он поправился довольно хорошо, с ним случился сердечный приступ. В первом отеле, где он поселился, ему было слишком шумно. Он переехал в пансион, но там ему не нравилась пища. Он переехал в другую гостиницу, но и там перебрал номер. И он, словно предчувствуя свою смерть, все порывался уехать из Ваденвейлера. Я ему говорил: «вы, как врач, сами должны понимать, что после перенесенного приступа вы не можете трогаться в далекий путь». С трудом удалось убедить его остаться.

— Он был сильно огорчен здесь конфликтом с Горьким, рассказывал мне доктор Шверер в экипаже. — Чехов прочитал «Дачников» Горького и отклонил постановку их в Художественном театре. Он советовал Горькому обработать пьесу, придать ей более сценический характер. В Ваденвейлере он получил известие, что Горький ставит пьесу в Петербурге в первоначальной редакции. Чехов был до чрезвычайности огорчен этим и разстроился. Это плохо повлияло на него, — я должен это высказать...

— Чехов умер удивительно спокойно, — продолжал позже свой рассказ д-р Шверер. — Когда ночью с ним случился второй приступ, и я был позван к нему, я распорядился, чтобы приносили кислород. Вышедший в комнату Чехова русский студент пошел за кислородом. — «Не надо, — сказал Чехов: пока принесут кислород, я уже умру». Так оно и случилось. Он закрыл глаза, и его не стало. Моя помощь и поддержка нужны были уже не ему, а его супруге...

Д-р Шверер рассказывал мне много деталей о том, как труп Чехова был перенесен в ближайшую ночь в мертвецкую на местном кладбище. Я хотел посетить эту мертвецкую, но времени оставалось мало: надо было спешить к поезду.

Берлин.

М. Суконников.